

Нечепорук Е.И.

ОБ АНТОЛОГИИ “ЛАНДШАФТ И ЛИРИКА. ШВЕЙЦАРИЯ В СТИХОТВОРЕНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ПОЭТОВ”.*

Завершающееся столетие ознаменовано выходом выдающейся антологии. Ее можно смело назвать “итогами двух веков”. От первого, датируемого 1799 годом стихотворения Г.Р. Державина и до последних стихотворений, относящихся к 1990-м годам, она представляет не что иное, как обозрение с альпийских высот поэтического ландшафта славянских литератур в их совокупности и целостности. Какой бы яркостью и неповторимостью ни отличались обретшие в эти два столетия свою высшую зрелость отдельные славянские литературы, сколь ни были бы единственными в своем роде лучшие ее представители, соседство их произведений в антологии со стереоскопической ясностью являет их поразительную общность. Книга эта демонстрирует общность менталитета, языковой основы, единящей славян, как, может быть, ни одно из изданий, вышедших на немецком языке за два последних столетия. Известный славист Петер Бранг обнаруживает поразительную глубину знаний всего круга славянских литератур, с удивительной чуткостью воздает он должное тому ценному, что в них есть и что в них было обращено к Швейцарии. Перед нами не только тематическая и литературная антология, солидно обоснованная в своих исходных позициях составителем и комментаторомⁱ, - перед нами своего рода поэтическая энциклопедия и энциклопедический свод знаний о славянской поэзии под избранным углом зрения.

Антология призвана выполнить двоякую роль: во-первых, открыть швейцарцам мир славянской поэзии в той его нити, которая связывает его с их страной. Книга обращена прежде всего к швейцарскому читателю, уже потому, что “знание славянских языков здесь, в стране, еще мало распространено” /с. 17/. Впрочем, о том, что изучение славянских языков осуществляется в каждом из университетов страны и имеет свои значительные традиции и достижения, П. Бранг уже писалⁱⁱ. Это, во-вторых, открытие этих стихотворений самим славянам. Спросите литературоведов, специалистов по русской поэзии, какие стихотворения о Швейцарии они могут назвать. Что пробудится в их памяти? Увы, не очень многое. Во всяком случае, можно быть уверенным, что никто, кроме П. Бранга, не назовет вам 166 русских стихотворений, 138 польских, 18 болгарских, 6 украинских, 6 сербских, 5 хорватских, 5 белорусских, 5 чешских и 1 словацкое /с. 19/ – в целом около 350 стихотворений. В основном корпусе антологии параллельно приведены тексты оригиналов и в немецкой версии 133 стихотворений 87 авторов. Впрочем, ряд стихотворений полностью или в большей своей части наличествует в комментарии также на двух языках, правда, теперь в точнейшем подстрочном переводе составителя. Бранг позволяет ощутить несомненную привлекательность прозаического перевода поэзии, поскольку его перевод - подлинно художественный при всей его точности, – это искусство. В этой книге П. Бранг предстает прекрасным переводчиком, о чем свидетельствуют не только его “eine deutsche Interlinearversion” (с. 17), но и переводы фрагментов прозы К. Бальмонта /с.39/, В. Розанова /с. 52/, К. Аксакова /с.161-163/, Любомира Ненадовича /с. 370/, Яна Каспровича /с. 408/, Б. Пастернака /с. 492-493/, О. Мандельштама /с. 518/, М. Цветаевой /с. 524-524/, Казимежа Вержинского /с. 558/, Юлиана Пшибося /с. 606-609/, стихов Леси Украинки и Изета Сарайлича. Остается только пожелать, чтобы эта сторона таланта П. Бранга нашла свое воплощение в виде отдельных публикаций и книг. Итак, перед нами открытие не только для немецкоязычных читателей, но и для европейских. Ведь до сих пор остаются в силе слова Гете о том, что человек, знающий немецкий язык, может знать всю мировую литературу, поскольку лучшее из нее становится достоянием немцев через перевод, – слова эти давно стали делами.

Работа над антологией началась в 1988 году и, стало быть, заполнила или отняла десять лет жизни у двух представителей этого удивительного творческого союза – П. Бранга и К. Фебера. За это время П. Бранг опубликовал добрый десяток фундаментальных статей о швейцарско-русских литературных связях. Его работа над антологией была органической частью междисциплинарного научного проекта “Швейцарско-славянские культурные взаимосвязи”ⁱⁱⁱ, возглавляемого им вместе с историком профессором К. Герке в 1988-1994 годах и поддержанного Швейцарским Национальным фондом. Она выкристаллизовывалась, созревала в нем и стала его завершением и кульминацией, достойной вершиной, венцом.

Кристоф Фербер уже зарекомендовал себя как переводчик русской, болгарской и итальянской лирики. За короткое время он выпустил шесть книг стихотворных переводов, выполненных с большой тщательностью и любовью, - “Валерий Брюсов. Chefs d'oeuvre. Стихотворения из девяти книг” /1986/, “Зинаида Гиппиус. Ранние стихи” /1987/, “Михаил Лермонтов. К*** . Стихотворения, строфы, стихи для альбома” /1991/, “Песни несовершенного времени” Оттавиано Джананджели, “Федор Тютчев. Последняя любовь. Стихотворения на жизнь и смерть Елены А. Денисьевой” /1993/, “Чуден блеск живой природы: швейцарский ландшафт в славянских стихотворениях” /1993/^{iv}. Последнее издание было как бы предпубликацией данной антологии, в нем было помещено 44 перевода славянских стихотворений. Публикация перевода рядом с текстом оригинала для переводчика подчас бывает весьма опасной: если его перевод несовершенен, и бежать ему некуда, он точно пригвожден к странице, и само соседство с изначальным текстом разоблачительно для него. Ферберу эта опасность не угрожает. Если искать какую-то аналогию или параллель в русской школе поэтического перевода, то прежде всего

* LANDSCHAFT UND LYRIK: die Schweiz in Gedichten der Slaven. Eine kommentierte Anthologie/ Hrsg. von PETER BRANG. Übersetzungen von CHRISTOPH FERBER. - Basel: Schwabe und Co. AG Verlag, 1998. - 733 S. При цитировании данного издания в скобках указываются страницы.

на ум приходит имя Вильгельма Левика. Участие в антологии К. Фербера - своеобразное обнаружение им предела возможностей поэтического перевода, для которого, казалось бы, нет никаких препятствий, преодолеть которые было бы невозможно. Произошло расширение и обогащение его возможностей в его творческом постижении русской, польской, болгарской, чешской, словацкой, сербской, хорватской, украинской и белорусской поэзии. Теперь, когда мы видим собранными воедино 133 стихотворения /лишь 6 из них переведены другими авторами/ 87 поэтов, мы можем сказать, что немецкий язык обрел в лице К. Фербера первоклассного мастера, смело вступившего в первые ряды переводчиков со славянских языков. Участие в подобного рода изданиях предъявляет к переводчику повышенные требования - воспроизвести художественным мир нескольких десятков поэтов с разными индивидуальностями и художественными стилями. Здесь легко впасть в унификацию и предложить читателю К. Фербера, а не Тютчева, Брюсова, Мицкевича, Словацкого и др. К счастью, переводчик работал не сам по себе, а в творческо-научном контакте с энциклопедически образованным ученым, способным дать точнейший и исчерпывающий ответ на вопросы, рождающиеся при чтении подобного рода произведений. В итоге возникает невиданная по своим масштабам картина восприятия страны, ее людей, ее истории и настоящего, ее ландшафтов, прежде всего Альп, озер и ледников, дающая мощный импульс “для философских, религиозных, исторических, эстетических рефлексий” /с. 21/.

Бесценный дар читателю поэтов, собранных в антологию, состоит в том, что они открывают ему поэзию природы, силу ее воздействия на духовное состояние человека, его душу, чудо слияния языка природы и языка человеческого, стихов и стихий. Читать поэзию о природе - значит учиться понимать поэзию в природе. Русская поэзия начала открывать и постигать европейский пейзаж - северный, скандинавский, и южный, итальянский, ранее всего, затем и центральноевропейский. Пейзаж национальный и пейзаж чужой, иных стран, входят в поэзию с начала XIX века, в середине столетия у некоторых поэтов, например П. Вяземского, они органически сочетаются друг с другом. Поэзия, запечатлевшая Кавказ и Крым, предшествуя стихотворениям с картинами природы Швейцарии, уже как бы предвосхищала их поэтическую “горную философию” /определение В. А. Жуковского/. Они играют как бы роль звена, соединяющего Россию с природно-исторически-культурным миром Центральной Европы, и в частности Швейцарии. Эллино-романский мир и мир германско-скандинавский, освоенные русской поэзией, обогатились миром швейцарским, соединившим в себе германское и романское начало. Недаром стихотворение А. Хомякова представляет ландшафт на границе этих миров - Италии и Швейцарии, ее итальянской части.

Почти каждый очерк-комментарий – это своеобразное открытие – имени поэта, стихотворения, литературного факта, забытого текста, новой грани, не замеченной предшественниками. П. Бранг с редкостной скрупулезностью воздает должное всему позитивному, что было у предшествующих исследователей, он в курсе новейших работ. Это исследователь, работающий с глубинными слоями русской и славянской литератур, он знает не понаслышке “фон”, однако не считает его чем-то малодостойным изучения, он для него так же интересен, объект изучения, как и великие “горные вершины” литератур.

Антология делится на четыре раздела: “От классицизма к романтизму”, “Время реализма”, “Эпоха модерн: символизм, Молодая Польша, акмеизм, футуризм, авангард”, “После Второй мировой войны”. Открывает книгу ода Г. Р. Державина “Переход в Швейцарии чрез Альпийские горы, российских императорских войск, под предводительством Генералиссима, 1799 года”. Оказывается, что на эту тему пятнадцатилетняя поэтесса Мария Алексеевна Поспелова /1784-1805/ опубликовала “Оду на разбитие генерала Массены в Швейцарии князем Итальянским, гр. Суворовым-Рымникским” /М., 1799/. Далее эта тема затрагивается и у И.П. Мятлева. Добавим, что среди откликов на это событие прозвучала “Хвала достопамятным российским героям. Песнь лирическая” /М., 1822/ участника итальянского и швейцарского походов Дмитрия Кашкина /1771-1843/. Интересно и сообщение П. Бранга о том, что Генерал-Фельдмаршал “Суваров” в таком написании упоминается в собрании занимательных историй Иоганна Петера Гебеля /1760-1826/ “Шкатулка с драгоценностями рейнского домашнего друга” (“Schatzkästlein der Rheinischen Hausfreundes”, Tübingen, 1811).

Собственно говоря, классицизм здесь представлен лишь Державиным. Однако швейцарская тема вошла в русскую поэзию вместе с Н.М. Карамзиным /“Поэзия”, 1787, “Мишеньке”, 1790, “Надгробная надпись Боннету”, 1793/. Сентиментализм, как этап, предшествующий романтизму, здесь не может быть оставлен без внимания. Отсутствие Карамзина, может быть, единственный, но существенный пробел антологии.

Текст В. А. Жуковского 1821 года впервые опубликован именно в этом издании⁶:

Гельвеция, приветствую тебя.
Блаженствуя с величием небесным
(. . .) с усилием себя
Беспечествуя в стремлении чудесном.
Передо мной и слава и покой.
(. . .) и радость сожаленья,
И мысль сердечная и строй,
И счастье с туманною главой,
И тихая душа без гнета и гоненья.

Веселие и радость и покой
И ясное сердечное желанье
И тесно слитное с мечтой
Вот где теперь души моей исканье.
Но отчего же скорбь и тишина
Ужели мне вотще уединенье
Ужель душа тоски уже полна
Куда зовет позывное стремленье
Почто теперь во мне и скука и сомненье?

П. Бранг высказывает предположение, что эти две строфы были набросаны до поездки Жуковского в Швейцарию. В них он отмечает контраст между позитивным звучанием первой строфы и первых пяти строк второй строфы и разочарованным тоном заключения стихотворения. И здесь Жуковский склонен к меланхолии, что заставляет П. Бранга предположить, что поэт ожидал от путешествия в эту страну душевного исцеления, проводя здесь параллель с К. Аксаковым, путешествие которого в 1838 году было бегством от неудавшейся любви. Высокого поэтического искусства в запечатлении Швейцарии Жуковский достиг в передаче на русский язык байроновского “Шильонского узника” /1821-1822/. Однако воспринял поэт страну прежде всего как художник: путешествие в Швейцарию, по его признанию, сделало его “рисовальщиком”. Сохранилось около 60 видов, из которых он позже 22 гравировал.

“К другу В. А. Ж. по возвращению его из путешествия” /февраль 1822/ - так называется послание Ивана Козлова, в котором он, пережив драму утраты зрения, в воображении своем сопровождает друга в его путешествии по Швейцарии; задушевное и искреннее по тону, оно было высоко оценено Пушкиным, Вяземским и Жуковским. Бранг называет его “одним из достойных внимания произведений Козлова, наряду с поэмой “Чернец”, программным стихотворением” /с. 80/. Исследователь обращает внимание на то, что альпийская тема мощно прозвучала в чеканных величественных образах в стихотворении И. Козлова “К Альпам” - вольном переводе первых двенадцати строк из произведения “Vers pour une fête à la vieillesse” (1813) Жана Жака Дюси /1733-1816/, французского драматурга, адаптировавшего пьесы Шекспира к условиям классицистического театра и писавшего в духе драм Вольтера.

Стихотворение Алексея Илличевского /1798-1837/, лицейского друга А. С. Пушкина, в качестве эпиграфа предпослано его очерку “Путешествие на Сент-Бернард”, опубликованному в “Северных цветах на 1826 год, собранных бароном Дельвигом” /СПб., 1826, с. 131-171/. В нем воспет высокий подвиг христианского человеколюбия. В очерке подробно описаны “хоспиц” /приют для путников в горных местностях/, жизнь монахов. В книге для гостей, которую они начали вести с 1817 года, Илличевский сделал запись 19 августа 1824 года - она факсимильно воспроизведена в антологии, и текст ее /с. 94-95/ несколько отличается от того, что приведен в очерке:

"Mr Ilitchefsky Russe.

Первой Руской в нынешнем году на вершинах Бернарда. Атмосфера холоднее Сибирской - по крайней мере в Августе я не зяб на берегах Енисея. Но гостеприимство добрых монахов вознаграждает с избытком, и путник оставляет обитель с сердцем, утешенным видом добродетели и бескорыстии."

Характерно, что эта книга для гостей за 1856 год содержит подпись Л.Н. Толстого. П. Бранг напоминает, что опубликованный в 1863 году в санктпетербургском журнале “Звездочка” рассказ “Обитель на горе Сен-Бернарда” /№ 8, с. 134-137/, в котором повествуется о том, как погибла женщина, зимой пересекавшая Альпы, и как был спасен ее ребенок монахами хоспица, послужил основой для рассказа Л.Н. Толстого “Сан-Готардская собака”, который он опубликовал в 1875 году. Можно вспомнить, что в парижском журнале “Иллюстрированная Россия” был опубликован рассказ А. Куприна “Барри” /1931/ о сенбернаре, спасшем жизнь сорока человекам и убитом сорок первым. Ценна ссылка ученого и на повествовательное стихотворение, поэтическую сказку о спасении немецкой поэтессы Аннетты фон Дросте-Хюльсхоф (“Das Hospiz auf dem grossen St. Bernhard”, 1828, 1838).

Свое стихотворение о Сен-Бернардском перевале А. Одоевский написал в Петровской тюрьме в Забайкалье, куда он попал в 1830 году. Оно намекает на переход через Альпы Бонапарта 16-21 мая 1800 года - корсиканцу, возвращающемуся из египетского похода, через перевал в 2469 метров, предсказывается поражение /”В полночной мгле, в снегах, есть конь и всадник медной. . .”/. Стихотворение было напечатано в 1838 году в “Современнике”.

П. Бранг справедливо видит единство таких стихотворений, как “Швейцарцу на чужбине” /1828/ Платона Ободовского, “Kennst du das Land? Швейцарская песня” /1839/ Тимофея Дымчевича и “Песнь альпийца на чужбине” /1841/ Ивана Бека, “Швейцарке” /1873/ А. Апухтина, в связывающем их мотиве “maladie suisse” - тоски по Швейцарии. Стихотворение Дымчевича при этом примыкает к песне Миньоны о тоске по Италии, пользовавшейся большой любовью русских поэтов и переводчиков от Жуковского до Пастернака. О стихотворении И. Бека, близком к пятислогому стихотворению кольцовского типа, высказана гипотеза, что оно могло быть

вдохновлено знаменитым стихотворением о тоске по родине “Lied eines Landsmanns in der Fremde” (1793) швейцарского поэта Иоганна Гауденца фон Залис-Зеевиса, положенным на музыку итальянским композитором Винченцо Ригини. Стихотворение это могло быть известно И. Беку от таких знатоков Швейцарии, как А.И. Тургенев и В.А. Жуковский, с которыми И. Бек был дружески связан. П. Бранг при этом замечает, что стихотворение И. Бека по своей форме совершенно оригинально и тематически связано с ситуацией и тоской российского швейцарца.

Стихотворение “Изола Белла” /1831/ Алексея Хомякова, в 1826 году отправившегося в двухлетнее путешествие по Западной Европе, создано им в духе русской романтической поэзии, посвященной Италии. Швейцарские Альпы в нем - кулисы поэтически прославленного знаменитого острова на Лаго Маджоре. Стихотворение это перевел итальянский славист Этторе Ло Гатто, и этот перевод, наряду с немецким, приведен составителем антологии - он будет представлять, несомненно, интерес для италоязычных швейцарцев.

В. Бенедиктова ученый склонен рассматривать вслед за Д. Чижевским^{vi} как представителя “романтического маньеризма”, считая, что он в своих швейцарских стихотворениях /”Чертов мост”, ”Люцерн”, ”Горная дорога”, ”И. А. Гончарову”/ эффектно и одновременно упрощенно трактует ведущие темы романтизма, с их предпочтением власти стихий и символическим истолкованием сил природы. Переводчик прекрасно передал энергию водных масс из “Чертова моста”, правда, в отдельных случаях чрезмерно конкретизируя обобщенные метафоры поэта; строка “хлещет пена водоската” передана им так: “. . . fällt / Wild die Reuss von Fels zu Fels”.

Завершением позднеромантических тенденций в поэзии отмечено творчество Каролины Павловой - самой значительной русской поэтессы XIX века. Навсегда покинув Россию в 1856 году, она несколько раз побывала в Швейцарии, написав в 1861 году стихотворение “Озеро Валлен” о рождении весеннего, майского дня. П. Бранг полевизирует с автором немецкой монографии о поэтессе^{vii}, в которой это стихотворение рассматривается как пример “незначительного описания”.

Самая обширная статья этого раздела посвящена П. А. Вяземскому. Отметив, что советских исследователей интересовал молодой либерал 1820-30-х годов, да и то не сам по себе, а в его связях с Пушкиным, что “с изданием его произведений дело обстояло плохо”, что “поздний консервативно настроенный Вяземский был запрещен” /с. 196/, П. Бранг обращается именно к этому периоду, во многом связанному для поэта со Швейцарией /ей он посвятил 19 стихотворений - больше, чем кто-либо из русских поэтов/. Он напоминает о факте, мимо которого проходили и проходят историки общественной мысли, - публикации им в 1855 году, в разгар Крымской войны, в Лозанне в издательстве Librairie de D. Martignier книг в защиту России: “Trente Lettres d'un vétéran russe de l'année 1812 sur la Question d'Orient” (442 p.) и “Trois nouvelles Lettres d'un vétéran russe. . .” (61 p.) под псевдонимом “P. D'Ostafievo”.

Стихотворения Вяземского о Швейцарии труднодоступны: они вошли в его полное собрание сочинений в двенадцати томах /СПб., 1878-1896/, лишь отдельные из них перепечатывались в последующих изданиях. Значение же их ученый видит в том, что они содержат многие мотивы, характерные для русских стихотворений о Швейцарии. Стихотворение “14 января в Веве” /1855/ с его вечерним ландшафтом - символом вечера жизни, знаком успокоения чувств - П. Бранг сближает с лирическим творчеством Ф. Тютчева. У Вяземского начинает органически связываться отечественный и западно-европейский ландшафт. Серебряные альпийские “Горы под снегом” /1855/ рождают в сознании поэта чисто русскую ассоциацию: “Своею выставкой богата / Неистошима земля: / Здесь грановитая палата / Нерукотворного Кремля”. В этом отношении очень ярки стихотворения поэта, прекрасно проанализированные П. Брангом, - “Рябина” /1855/ и “Вевейская рябина” /1864/, “Береза” /1855/.

Действительно ли стихотворения Ф.И. Тютчева об Альпах - его лучшие стихотворения, как решительно утверждал О. Мандельштам^{viii}, или нет, - к лучшим стихотворениям об Альпах они, конечно, относятся. Стихотворение “На возвратном пути” /1859, первое из двухчастного цикла/ дано в немецких переводах К. Фербера и Ф. Фидлера, во французском Поля Гарда^{ix}, - перевод К. Фербера - лучший из них. Однако в его переводе стихотворения “Утихла биза... Легче дышит... ” /1864/ “лазурный сонм женевских вод” превратился в пересказ-констатацию (“Erglänzt das Blau des Genfersees”), исчезло и “откровенье неземное” /вновь это описание: “nicht dieser Welt geweiht”/.

Значительный интерес представляет анализ ученым перевода Тютчевым стихотворения о Байроне из книги “Todtenkränzen” (1828) австрийского поэта Йозефа Кристиана фон Цедлица. Им установлено, что строфы 1-8 у Тютчева соответствуют строфам 78-85 у Цедлица. 9-10 строфы рисуют поездку Байрона через Германию и Швейцарию в Италию. Сравнение 9 строфы с тематически сходной строфой 105 у Цедлица обнаруживает, что здесь самостоятельный текст у русского поэта: у австрийца взяты только первые семь строк из тринадцатистрочного текста и пять из них очень сильно варьированы. У Тютчева строки 6-13 полностью посвящены Швейцарии, о которой у австрийского барона вообще не говорится, но говорится о Вене и Австрии. Девятая строфа поэтому здесь атрибутирована как собственное стихотворение Тютчева и дан его немецкий перевод. Это уточняет комментарий, существующий во всех изданиях стихотворений Тютчева, где она обозначена как перевод.

Хотя составитель избрал хронологический порядок, он, к сожалению, не везде выдержан. Так, стихотворение “Изола Белла” А. Хомякова стоит после стихотворений П. Вяземского 1855 г., но его место рядом со стихотворением П. Ободовского того же года. Не понятно, почему вначале следует стихотворение “Люцерн” 1858 года, а потом “Чортов мост” /1838, 1850/ в разделе “В. Бенедиктов”. Всем названным поэтам должен предше-

ствовать Ф.И. Тютчев с его стихами 1828 г., а он стоит даже после П. Вяземского. Это замечание относится и к разделу “Время реализма”, который открывается “Швейцарским альбомом” /1875/ П. Капниста, затем следуют “Симплонская дорога” /1861/ Н. Щербины, “На Женевском озере” /1858/ Я. Полонского, “Кабинет восковых фигур. . .” /1843/ Н. Некрасова. Именно с Некрасова или с И.П. Мятлева нужно было начать этот раздел и завершить его П. Капнистом и К. Случевским, А. Жемчужниковым. В ряду реалистов /сколь ни условно это обозначение в особенности, когда А. Майков находится здесь, а не рядом с Ф. Тютчевым/ удивительным образом отсутствуют “женевские” стихотворения 1870-х годов Н. Огарева “Картина очевидца”, “С утра до ночи”, “Улица /Женева/” - последнее даже не названо в перечне стихотворений поэта на с. 703/. Не стану утверждать, что стихотворение в прозе И.С. Тургенева “Разговор” неорганично выглядит на страницах лирической антологии, но странно, что ни в статье о писателе, ни в перечне его произведений не названо другое произведение из этого цикла “У-а... У-а!”, согретое сердечной человечностью в отличие от вневременной надмирной холодности “Разговора”.

И в этом разделе ряд интереснейших наблюдений и открытий. Так, статья о Н. Щербине примечательна опубликованными в ней дневниковыми записями о его поездке в Швейцарию в 1861 г.. Л. Толстой, возвращаясь из путешествия по Швейцарии, в 1857 году посоветовал Я. Полонскому, встретившись с ним в Баден-Бадене, поехать в Женеву, чтобы там учиться живописи, что тот и сделал, став учеником знаменитого Александра Калама. Он написал лишь одно стихотворение о Швейцарии “На Женевском озере” /1858/ - воздушно легкое, его наивная идилличность пронзена грустью и тоской по родине. В точном в формальном отношении переводе К. Фербера, к сожалению, местами утрачен лаконизм оригинала: “в вековой пыли” не то, что выражено в немецком обороте “wo der Staub / Über Strassen weht” где “пыль летит по улице” - она у Полонского впиталась в камень колоколен. Пропал важный образ – “выси допотопные”, вместо него нейтрально-описательное двусторичье, тяжеловесное клише: “Eine Kette ewiger / Schneebedeckter Höhn”. Впрочем, такого рода потери очень редки у переводчика, тем досаднее, что они встречаются. Стихотворение Я. Полонского - это такое же чудо лаконизма, простоты и философской глубины, как стихотворения Гете (“Mailied”, “Gefunden”, “Frühzeitiger Frühling”) или Теодора Шторма (“Lied des Harfenmädchens”).

В раздел “Произведения о Швейцарии эпохи модернизма: символизм, акмеизм, футуризм” включены Николай Минский, Дмитрий Мережковский, Иван Коневский, Иван Бунин, Вячеслав Иванов, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Юргис Балтрушайтис, Борис Пастернак, Андрей Белый, Сергей Маковский, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Вадим Баян, Игорь Северянин, Анатолий Луначарский. Если сонет Н. Минского “На Женевском озере” /1890/ наряду с традиционной темой природы содержит намеки на Дюфура и братание народов, т.е. политическую тему, то стихотворение молодого Д. Мережковского, студента историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, предпринявшего вместе с семьей композитора К.Ю. Давыдова путешествие в Париж и Швейцарию, уже возвещает “серебряный век” в красках, в подчеркивании безграничности, в сравнении с невыразимыми идеями горных хребтов.

В этом разделе П. Бранг великодушно уступает место своей ученице Цветелине Стаковой, написавшей очерки о Коневском, Иванове, Брюсове, Бальмонте, Волошине и подготовившей диссертацию о них. Ее очерки информативны, содержат рад тонких и интересных наблюдений. О рано погибшем Иване Коневском /1877-1901/ верно сообщается, что в течение семи лет он развил своевольный язык и художественную эстетику, которые сделали его влиятельным поэтом первого поколения символистов и важнейшим представителем его философского направления. Рассматривая лирику, прозу и письма Коневского в единстве, исследовательница отмечает, что отразившиеся в его стихотворениях благоговение и глубокое религиозное чувство, восхищение красотой и сакральной нетронутостью природы, а также языковая утонченность, применение церковнославянских и изысканных метафор усиливают торжественность его стиха.

Очерк о М. Волошине также информативен, содержателен, хотя и не свободен от неточных утверждений. Вряд ли верно мнение, что Волошин был близок “с 1914 года акмеистическому движению” /с. 432/ - к акмеизму поэт не был близок, хотя ценил поэзию О. Мандельштама. “С 1901 года он жил большей частью в Париже... Он путешествовал много по Европе и возвратился в Россию лишь в 1917 году. Там он поселился в Крыму вблизи Коктебеля” /с. 432/. Сколько же здесь неточностей! Уже в январе 1903 года поэт возвращается в Россию, летом строит дом в поселке Коктебель вблизи Феодосии, неизменно возвращаясь сюда из поездок в Москву, Петербург, за границу. Возвращается в Россию он весной 1916 года, в Коктебель. Другие очерки Ц. Станковой свободны от таких ошибок. Проанализировав стихотворения В. Иванова “Возврат”, “Альпийский рог” /оба 1902/, “Осенью” /1903/, “Рыбацкая деревня” /1912/, она приходит к выводу, что поэт, хотя и восхищался явлениями природы, в их поэтическом изображении, однако, искал пример для выражения своих взглядов на искусство, делая ощутимым с помощью символов присутствие Бога. К сожалению, в статье ничего не говорится о связях поэта с Швейцарией в годы его эмиграции.

В статье о В. Брюсове удачно проанализировано противопоставление цивилизации и природы /толстовская тема/ в стихотворениях “Фирвальштеттское озеро”, “На леднике” /оба-1909/. Альпы кажутся поэту величайшим творением Всемогущего, он создал их к своей радости и в этом осуществил свои мечты. “Уже в начале XX века поэт поставил столь актуальный вопрос об ответственности по отношению к окружающему нас миру и последующим поколениям”/с. 473/. Стихотворение о водопаде у Бриенца “Мюльбах” /1909/ передает в живописании звуком живую силу и раскованность воды, а переводчик удачно запечатлевает ее с помощью шипящих, плавных

звуков и аффрикат-аллитераций (“Auf Steinen deine Brust zerschehlend, gewaltig, voller wilder Wucht”). Однако предполагать здесь “политический намек на крушение революции 1905 года и на неизменность русских отношений” /с. 473/ представляется явной натяжкой. Убедительнее звучит другое утверждение Ц. Станковой: “Набросанная здесь картина природы - одновременно метафора человеческой жизни, необходимости смирения перед судьбой” /там же/.

В стихотворениях К. Бальмонта “Голубая Роза” и “Высоты” /оба 1903/ подчеркнута импрессионистичность картин природы, выраженная с помощью символистской поэтики. Озеро и горы – это мир мечты, освобождение от границ, временности, рациональной жизни. Горы - образ окаменевшего моря, безмолвного, неизмеримого, мертвого. В нем нет речи, меры, жизни, голоса /безмолвие, безмерность, безжизненность, безгласность – производные от этих слов четырежды звучат в стихотворении “Высоты”/.

Далее и до конца слово предоставляется П. Брангу. Глубока и точна его статья об Юргисе Балтрушайтисе, великом поэте русского символизма, ныне как бы пребывающем в полузабвении. Особенно интересен анализ стихотворения “Альпийский пастух”, которым открывается второй сборник стихотворений поэта “Горная Тропа” /1912/ - ученый видит в нем выражение самосознания символической поэзии, выявляет его программный и исповедальный характер. Отзвуки тютчевской поэзии больше, чем у кого-либо из символистов, Бранг замечает в стихотворениях Балтрушайтиса.

В разделе об Андрее Белом подробно рассматривается его участие в стоицизме Гетеанума в Дорнахе. В стихотворении “Воспоминание” /1914/, следуя традиции Р. Штайнера, поэт дает описание мгновения озарения, встречи со взором иных миров, “вдохновения”.

Говоря о Ф. Сологубе, Бранг обращает внимание на то, что он, впервые оказавшийся в Европе в 1909 году, особо отметил гордость за отечество у испанцев, немцев, французов и итальянцев; русские, напротив, быстро готовы оскорблять свою родину и отечественные нравы. Его стихотворение о Лугано “Проснувшись не рано...” /1911/ выражает потребность поэта признать себя причастным за границей к своему отечеству, отсюда у него и праздничное описание ландшафта итальянской Швейцарии, и ироническое преломление его /рифмы “дивен” – “противен”/.

Извлечено на свет божий и никем не вспоминаемое и не упоминаемое стихотворение Сергея Маковского “Оберзее” /1905/, в свое время популярное, входившее в антологии для чтецов^x. В нем скалы предстают как волшебные пороги к небесам, они божественную “тайну сторожат” и все же возвещают ее, как “вещие укоры”.

В статье о Б. Пастернаке, обстоятельно раскрывающей его связи со Швейцарией, подробно проанализированы и поэтические и прозаические отклики на его посещение страны в августовские дни 1912 года. Интересны приводимые Брангом суждения поэта о Г. Келлере в письмах к Ренате Швайтцер 1959-1960 г.^{xi}, тем более, что они пока остаются вне сферы внимания как специалистов по швейцарской литературе, так и пастернаковедов и исследователей межлитературных связей. В Марбурге, где Б. Пастернак слушал курс неокантианской философии у Германа Кохена, он начинает переводить стихотворения швейцарского поэта, любовь к которому сохранил до конца жизни. “Романтизм я люблю не как нечто по обязанности осознанное, второстепенное, а как искусство в одеяниях гения. Неофициальная оригинальность Готфрида Келлера, его таящаяся за грубой реальностью сказочность в благовоспитанном говорят мне намного больше, чем все дикости Э. Т. А. Гофмана” /письмо от 14 мая 1959 г./ “Ах, как тонко, как глубоко и вечно и родственно по духу сказанное Г. Гессе о Готфриде Келлере. Ты знаешь, что мне дать для поддержки” /письмо от 17 января 1960 г./.

Есть и у Марины Цветаевой свое стихотворение о Швейцарии: “V Ouchy” /после 1904/ - о двух счастливых годах молодости -пребывании сестер в пансионате в Лозанне в 1903-1904 г. рассказывает Анастасия Цветаева, Бранг же дает картину многообразных связей поэтессы со страной в последующие годы ее жизни.

В статье об О. Мандельштаме Бранг уместно напоминает, что поэту именно в Швейцарии казалось наиболее сильным ощущение культурного единства Европы, приводя его суждения из статьи “Пшеница человеческая” /1922/. Подробно рассказано о посещении страны молодым поэтом в 1908, 1909 и 1910 годах, прослежена эволюция его отношения к А. Белому в его связях с Швейцарией, рассмотрены два стихотворения со швейцарскими реминисценциями “Мороженно!” Солнце. Воздушный бисквит” /1914/ и ранее “Когда мозаик никнут травы...” /1910/, связанное с посещением церкви в Лугано.

Впервые на русском языке опубликованы два стихотворения А. Луначарского “Кафешантан в Берне” и “Сен-Леже” /оба 1916 или 1917 г./, до этого они стали известны в немецком переводе Вернера Штауффахера в 1975 году^{xii}. Русский оригинал переводчик получил от дочери Луначарского Ирины после публикации своей статьи о Луначарском и Шпиттелере, в которую вошла их переписка на немецком и французском языках^{xiii}. Оба стихотворения выдают социально-критическую ангажированность автора, отличаются декламаторским и конвенциональным стилем, и то, что они не публиковались, по Брангу, свидетельствовало о том, что автор критически воспринимал собственные лирические опыты.

Из футуристов в антологии представлены Вадим Баян и Игорь Северянин. Статья о Баяне /Владимире Ивановиче Сидорове, 1880-1966/, “незначительном поэте”/с. 530/, насыщена фактами, а два его стихотворения П. Бранг обнаружил в двух сборничках под названием “Пьяные вишни”, вышедших в Крыму в 1920 году^{xiv}. Эти шуточные стихотворения “Девушка на Альпах” и “Сомнамбула”, не лишённые некоего изящного кокетства, позволяют Брангу предположить, что их автор еще до Первой мировой войны посетил горную страну. Игорь Северянин в 1931 году совершил четырехмесячное турне по Европе - Польше, Югославии и Франции, из Дуб-

ровника поехал поездом через Швейцарию в Париж. Он едет вдоль озера по пути в Базель и сквозь стекло вагонного окна на зимнем рассвете созерцает его ландшафт. Краски блеклы и серы по тону, настроение - элегически-мрачное - таково стихотворение "По Швейцарии". Стихотворение "Локарно" /1925/ прославляет Локарнский договор как выражение надежды на мир. Мирный договор семи стран поэт связывает с семицветной радугой, священное число возвещает о грядущем лучшем дне.

Удивительный парадокс – основной корпус книги состоит из стихотворений XIX и рубежа XIX-XX века. Из стихотворений, созданных между двумя мировыми войнами, здесь представлено лишь одно, Игоря Северянина. Произошли существенные изменения в самом строе русской поэзии, почти переставшей после 1920-х годов обращаться к европейским темам, тем более пейзажам, на основе собственного их восприятия /если исключить ангажированный и нехудожественный, внеэстетический подход, плоды которого, как правило, жалки и не выходят за пределы Gebrauchslыrik – обиходной лирики, лирики по случаю/. Другая причина в том, что мы все еще недостаточно знаем поэзию русского зарубежья, она, несмотря на многие издания у нас, все еще остается terra incognita. Меж тем в Швейцарии из поэтов жили или бывали Алла Головина и Анатолий Штейгер, выходцы из России, предки которых были швейцарцами, В.И. Иванов, Кнут Довид, Гизела Лахман, Борис Поплавский, Г. Росимов, Аглаида Шиманская. Побывал здесь и В. Ходасевич, написавший желчно-злое "В этом глупом Швейцарофе. . ." /1917/.

Раздел "После Второй мировой войны" открывает Вера Инбер, отрывками из неоконченной поэмы "Ленин в Альпах" /1957/, которые П. Бранг оценивает как "особый пример гельветической ленинианы", а ее стихотворение "Мы летели в Москву. . ." /1960/ как "пример советского литературного китча" /с. 576/. Совсем иного характера медитативно-мудрое "Средь этих лиственниц и сосен. . ." /1965/ В. Набокова, прожившего последние восемнадцать лет своей жизни в Монтрё и написавшего здесь ряд стихотворений. Тамара Величковская^{xv} опубликовала в парижском журнале "Возрождение" в 1966 году цикл из двенадцати стихотворений "Локарно" – наблюдения за скрытой сущностью природных явлений, уподобление их человеческой судьбе; описывая природу южного кантона Тессин в смене времен года, она разрабатывает мотив неумолимости отдельной человеческой судьбы.

Юмористическая линия в стихотворениях на швейцарские темы продолжается в "Путешествии в Швейцарию" из сборника Дона Аминадо "В те баснословные времена" /1951/, в котором высмеиваются туристические предприятия, обязательное посещение определенных мест, чувство неполноценности русских путешественников в сравнении с англичанами, в иронически дружеском стихотворении Р. Рождественского "Швейцарские коровы" /1967/, в таком же ироническом по отношению уже к себе, но и со скрытой горечью стихотворении друга Мандельштама Бориса Кузина "Отродясь не бывал я в Швейцарии...", разысканном П. Брангом в одном из прибалтийских журналов. В поле зрения П. Бранга и стихотворения М. Веги /1975/, Б. Окуджавы /1988/, Е. Ушаковой /1992/, Л. Лосева /1993/.

Такова картина русской поэзии, обращенной к Швейцарии /без одного 50 поэтов и 80 стихотворений вошло в основной состав антологии/. Из остальных славянских поэтов чаще всего к швейцарской теме обращались польские поэты, и П. Бранг справедливо отмечает как одну из вершин антологии стихотворения А. Мицкевича, Ю. Словацкого, З. Красинского, относя их стихотворения об альпийских ландшафтах к "прекрасным стихотворениям мировой литературы о любви и красноречивым свидетельствам романтического жизнеощущения и понимания поэзии" /с. 118/. Читателю антологии предстоит ознакомиться с 37 стихотворениями польских поэтов /от Мицкевича до М. Скварницкого/, 5 сербских и хорватских /М. Пуцич, Л. Ненадович и др./, 5 болгарских /И. Вазов, Н. Лилиев, Э. Попдимитров/, 2 чешских /Б.Кличка, А. Броузек, сам переведший свое стихотворение на немецкий язык/ и 2 украинских /П. Кулиш, Л. Украинка/, 1 словацкого /Ш. Крчмери/ и 1 белорусского поэтов /П. Панченко/. Здесь сосредоточено множество интереснейших сведений, например, о том, что А. Мицкевич за более чем тридцатилетнее пребывание в эмиграции десять раз был в Швейцарии, в 1839-1840 г. был профессором латинского языка в Академии в Лозанне и многое другое.

В обширном введении /с. 15-67/ в таких разделах, как "Картина и истолкование ландшафта", рассмотрены формы ландшафта, деревья, мир животных - все это в широком культурно-историческом плане. К примеру, говоря об образах коров в стихотворениях Медо Пуцича, Антони Одынца, Дмитрия Мережковского и Роберта Рождественского, Бранг сравнивает последнего с швейцарцем Фридолином Чуди /1912-1966/, писавшим: "Они смотрят на тебя карими глазами Ююны, / Чуждые и безучастные к миру", и с Саломоном Гесснером, одним из первых введшим их в поэзию. Пушкинист, он вспоминает и об упоминании в "Дубровском" "величавых" швейцарских коров, пасущихся в имении князя Вереяского на сочном зеленом лугу на берегу Волги. Помнит ученый и о том, что Санкт-Петербургский журнал "Пантеон" в 1854 году сообщал своим читателям, что коровы Альп умнее, чем коровы равнины: "Естественный инстинкт развивается на природе лучше" /т. 14, № 4, с. 38-40/.

Сравнение того, как видели свои ландшафты швейцарские поэты и поэты славянские, еще предстоит. Данная работа содержит для этого интереснейший материал. "В познании Альп славянские поэты дарили своим литературам снова и снова новые образы, счастливые формулировки, многие hapaх legomena" /с.40/ - это утверждение ученого многократно подтверждено в книге.

П. Бранг, обычно диалектически и многогранно мыслящий ученый, в этой работе не задает вопрос: каким был отклик швейцарцев на Россию и славянский мир в целом. Может быть, потому, что таких стихотворений почти не было или было неизмеримо меньше. Как же понять этот "факт"? Какую "фабулу" для него сочинить?

Вернее, какая “фабула” истории стоит за ним? Объяснений тут может быть несколько. Каждое в отдельности и все вместе, они пока не могут быть убедительными. В нашем представлении швейцарская литература сильна своими прозаиками и драматургами. Поэзия Швейцарии, несмотря на крупные, европейского масштаба имена – А. фон Галлера, Г. Келлера, К. Ф. Майера – нам почти неизвестна, хотя кое-что и печаталось и переводилось, но цельной картины так и не возникло. Наш долг – опубликовать антологию швейцарской поэзии на русском языке.

Исследования П. Бранга, его собирательская деятельность, искусство поэтического перевода К. Фербера дают важные импульсы и ориентиры для дальнейшей работы, ими создано широкое поле общественного мнения вокруг важной темы “Швейцария и славянский мир”. Это их вклад в преодоление подчас переживаемого швейцарцами ощущения своей изолированности от европейского сообщества. Они проделали титанический труд – по разысканию труднодоступных и в большинстве отсутствующих в Швейцарии текстов, малоизвестных и в самой России, находящихся подчас в одной-двух национальных библиотеках, главных книгохранилищах страны, где их нужно было еще и выявить – ведь к началу работы никакой библиографии по данной теме вообще не существовало. Эта сфера культуры находилась вне внимания тех, кто изучал восприятие русской литературы за рубежом, кто изучал и саму русскую литературу в самой России, – что куда более странно и удивительно, поэтому нельзя не признать верным замечание П. Бранга в адрес М.Н. Эпштейна, автора книги “Природа, мир, тайна вселенной...”: Система пейзажных образов в русской. поэзии” /М., 1990/, в целом им высоко оцененной: “К сожалению, Эпштейн при отборе 3700 стихотворений 130 авторов почти полностью ограничился отечественной природой - речь идет у него прежде всего о “русской природе” – и едва ли привлечена та лирика, которую русские поэты посвящали иным ландшафтам” /с. 50/. Такой подход, весьма типичный, обедняет русскую поэзию, делает ее провинциальной, в то время как она была открыта всему миру. Русская поэзия с западными и восточными, северными и южными мотивы огромна по своему объему. Так, П. Бранг указывает на вышедшую недавно в Нидерландах антологию русских стихотворений о стране /82 стихотворения 50 поэтов/^{xvi} и замечает, что поэзия славян о Германии, Франции и особенно Италии исключительно велика по объему, однако нигде, как в Швейцарии, ландшафт, и большей частью альпийский, не находился на первом плане, как тема /с.695/.

Антология еще раз убеждает: сохранение русской культуры осуществлялось и осуществляется не только /временами и не столько/ в России, не только писателями русского зарубежья, но и зарубежными русистами, выполняющими огромную работу по публикации и переводу, интерпретации неизвестных, забытых или полузабытых текстов, по воскрешению многих имен, без которых мир русской литературы был бы неполон и лишен существенных красок и оттенков. Народы хотят, чтобы их слышали и понимали, хотят понять других и быть понятыми, стремятся к диалогу, который предпочитает взаимное доверие. В разделенном, но и стремящемся к единению мире люди, владеющие семиотикой иных культур, бесценны. Бесценность данной антологии в том, что в мировой издательской практике она единственная в своем роде.

ⁱ “Наше собрание – тематическая и одновременно литературная антология. Тематическая – она постольку, поскольку большая часть собранных в ней стихотворений может быть оценена как “путевая лирика”. Тема большинства стихотворений – ландшафт Швейцарии, многие говорят также и о ее жителях или об иностранцах, находящихся в Швейцарии в качестве путешественников или изгнанников, об общественном устройстве и отношениях, о политической культуре, другие напоминают о событиях из швейцарской истории, часто в сравнении с событиями собственной национальной судьбы. Различные стихотворения – а именно стихотворения Мятлева, Игоря Северянина, Бояна, Рождественского, Дон Аминадо, Кузина и Одынца, одно у Ролич-Лидера, некоторые у П.А. Вяземского – сатиричны или юмористичны: это шуточные стихотворения о Швейцарии, культе Альп и туризме. Как правило, на первом плане в славянских стихотворениях о Швейцарии находится восприятие природы. Чисто ландшафтная лирика встречается очень редко, поэтическое восприятие ландшафта соединяется с любовной тематикой или с философскими и религиозными рефлексиями.

Наше собрание стихотворений о Швейцарии мы представляем себе как литературную антологию. Стихотворный перевод пытается передать тематическое высказывание одновременно с поэтическими качествами текста. Комментарий соединяет исследование картины Швейцарии, отразившейся в произведениях писателя, с признанием эстетического своеобразия стихотворения; там, где это возможно, он рассматривает его в контексте жизни и творчества поэта и литературы времени его возникновения. Когда антология преследует одновременно тематические и литературные задачи, то неизбежно возникает проблема литературной ценности. Отбирались не только литературно значительные стихотворения, но и такие, какие, с историко-литературной и исторической точки зрения, характерны для времени их возникновения, для данного автора или для отношения к Швейцарии” /с. 18-19/.

ⁱⁱ Brang P., Zett R. Slavisches Seminar der Universität Zürich 1961 – 1981. – Zürich 1982. 33 S.; Brang P. Bemerkungen zur Geschichte der Slawistik in der Schweiz // Zeitschrift für Slawistik, Berlin, 17/1982, 1, S. 38-42; Бранг П. Русистика в четырехязычной стране: О славистике в Швейцарии // Новое литературное обозрение. – М., 1995. – №12. – С. 189-203.

ⁱⁱⁱ Fakten und Fabeln: schweizerisch – slavische Reisebegegnung von 18. bis zum 20. Jahrhundert / hrsg. von Monika Bankowski, Peter Brang, Carsten Goehrke, Robin Kemball. – Basel; Frankfurt am Main: Helbing und Lichtenhahn, 1991. 632 S.; Asyl und Aufenthalt: Die Schweiz Zuflucht und Wirkungsstätte von Slaven im 19. und 20. Jahrhundert / hrsg. von Monika Bankowski, Peter Brang, Carsten Goehrke, Werner G. Zimmermann. – Basel; Frankfurt am Main: Helbing und Lichtenhahn, 1994. – 485 S.; Bild und Begegnung: Kulturelle Wechselseitigkeit zwischen der Schweiz und Osteuropa im Wandel der Zeit / hrsg. von Peter Brang, Carsten Goehrke, Robin Kenball, Heinrich Riggenbach. – Basel; Frankfurt am Main: Helbing und Lichtenhahn, 1996. – 896 S.

^{iv} Valerij Brjussow. Chefs d'oeuvre. Gedichte aus neun Bänden. – Sachseln, 1986; Sinaida Hippus. Frühe Gedichte. –

Sachseln, 1987; Michail Lermontov. An ***. Gedichte, Strophen, Albumverse. – Mainz, 1991; Ottaviano Gianangeli. Gesänge der unvollkommenen Zeit. Canzoni del tempo imperfetto. – Zürich, 1992; Fedor I. Tjutčev. Die letzte Liebe. Poslednjaja ljubov. Gedichte auf Leben und Tod von Elena A. Denis'eva. – Zürich, 1993; Wundervoller Granz des Bildes... Schweizerische Landschaft in slavischen Gedichten. Eine Anthologie. Mit einem Vorwort und Anmerkungen von Peter Brang. – Zürich, 1993; Giorgio Orelli. Gedichte. Zürich, 1997.

^v Рукопись находится в архиве В.А. Жуковского в Петербургской Публичной Библиотеке. Первые четыре строчки ее были процитированы И.А. Бычковым в его книге: Бумаги В.А. Жуковского, поступившие в Императорскую Публичную Библиотеку в 1884 году. Спб., 1887, с. 63 в следующем прочтении:

Гельвеция, приветствую тебя.
Блаженствую с величием небесным
Спокойствие с усилением любя
Безмолвствую в стремлении чудесном.

Фонд 286, оп. I, № 26.1.99

^{vi} Tschizewskij D. Russische Literaturgeschichte des 19. Jahrhunderts. I: Die Romantik. – München: Eidos Verlag, 1964, S. 134-136.

^{vii} Lettmann-Sadony B. К.К. Pavlova. Eine Dichterin russischdeutscher Wechselseitigkeit. – München, 1971. S. 129.

^{viii} См. Статью “Пшеница человеческая” /1922/. – Мандельштам О. Собр. соч.: В 4 т. Т.2. – М., 1993. – С. 251.

^{ix} Fiodor Tioutchev. Poésies. Traduites du russe par Paul Garde. – Lausanne: L'Age d'Homme, 1987, p. 83. Paul Garde был в 1980-е годы “professeur associé” в Женевском университете.

^x Антология современной поэзии. Америка, Англия, Франция, Бельгия, Германия, Италия, Скандинавия, Польша, Россия. Чтец-декламатор. IV. Киев, 1909, с. 533.

^{xi} Schweitzer R. Freundschaft mit Pasternak. Ein Briefwechsel. – München etc., 1963, S.80-81, 111.

^{xii} Stauffacher W. Schweiz und Schweizer in russischem Spiegel. Ein Nachtrag zum Thema Lunatscharskij – Spitteler // Schweizer Monatshefte, Jg. 55 (1975), H. 9 (Dez.), S. 758-760.

^{xiii} Stauffacher W. Anatol Lunatscharskij's Spitteler-Erlebnis // Ibid., Jg. 54 (1975), H. 10 (Jan.), S. 748-763.

^{xiv} Игорь Северянин, Вадим Баян, Ф. Гиз, Георгий Шенгели, Галина Полукэтова, Эмиль Миндлин, Анна Грианова, Ал. Соколовский, Мария Калмыкова. Пьяные вишни. – Феодосия: Изд-во “Таран”, 1920, с. 3; Игорь Северянин, Вадим Баян, О. Мандельштам, Мария Калмыкова, Альбин Азовский, Анна Грианова, Николай Еленев, Борис Бобович. Пьяные вишни, с. 6.

^{xv} П. Бранг не сообщает даты ее жизни. Меж тем они известны: это 1908-1990, родилась в Киеве, умерла в Шелль близ Парижа. См.: Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Краткий биографический словарь русского зарубежья // Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996, с. 293.

^{xvi} Hinrichs, Jan Paul. Van Nachtwacht tot Huizinga. Russische dichters over Nederland. – Leiden, 1994, 46 S. – (Slavische propekten, nr. 7); Hinrichs, Jan Paul. In search of another St. Peterburg: Venice in Russian poetry (1823-1997). München, 1997. 107 S. – (Arbeiten und Texten zur Slavistik, Bd. 64).